

Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв. М., 1971, 250 стр.

Создание региональных историко-этнографических атласов — большая и интересная задача, стоящая сейчас перед многими этнографическими учреждениями нашей страны. Эти важные обобщающие труды требуют от работающих над ними коллективов разностороннего изучения многообразных источников, в результате которого перед исследователями возникают новые серьезные проблемы. К числу таких проблем относится еще мало разработанная этнографами проблема сельского расселения — проблема сложная, комплексная, затрагивающая широкий круг вопросов, связанных как с этнической, так и с социально-экономической и политической историей региона.

Рецензируемая книга — серьезная попытка характеристики сельского расселения, типизации сельских поселений — необходимый этап подготовки к картографированию.

Книга представляет собой сборник, в который вошли 10 статей (4 посвящены Эстонии, 4 — Латвии и 2 — Литве). Авторы пользуются в основном историческими источниками — хрониками, актами, инвентарями — сопоставляя их данные с более поздними планами и картами отдельных местностей. Широко использован и ономастический материал, позволяющий авторам, например, установить существование прежде единства поселений, впоследствии рассеянных. Особое внимание обращено на изменение характера землевладения и землепользования.

Статьи, посвященные Эстонии и Латвии, рассматривают, как правило, с большой степенью подробности сельское расселение в отдельных частях этих республик в ограниченные отрезки времени. Так, в статье С. Аннист «О заселении прихода Ряпина в XVI—XVII вв.» рассмотрен характер расселения в небольшом пограничном районе на Юго-Востоке Эстонии на протяжении примерно ста лет — с 1582 по 1690-й г. (стр. 13); в этом смысле содержание статьи несколько уже, чем можно предполагать по ее названию). Этнический состав населения прихода в ту пору не был однороден: здесь жили эсты, финны, латыши и в небольшом количестве — русские. Автор прослеживает сгущение на протяжении столетия сети поселений, представлявших собой в большинстве малодворные деревни кучевого плана (меньше было деревень рядовых или, как С. Аннист называет эту значительно разреженную разновидность рядовой планировки, «цепочечных»).

Более обширная территория и притом на большем отрезке времени рассмотрена в статье Г. Троска и Н. Шлыгиной «Особенности развития крестьянских поселений в Вильдском районе Эстонии». Авторы убедительно показывают древность многодворных поселений. Распад деревень они справедливо связывают с исчезновением общинных отношений у эстонских крестьян. Разбирая множество примеров, они приходят к выводу, что поселения «рассеянной» планировки, в которых расстояние между дворами колеблется от нескольких сот метров до 1—1,5 км, сложились не потому, что, как утверждали некоторые авторы, «эстонец любит самостоятельность», а в силу особенностей землепользования, при котором «дворы, не связанные общими пахотными землями, были объединены довольно слабо» (стр. 59, 81). Традиции расселения деревнями были настолько сильны, что и поселения-однодворки стремились объединиться в группу с общим названием, а обычай располагать дворы по краю пашни приводил к рассеянной планировке деревень. Можно спорить с авторами по частным вопросам (например, об их «полном праве» говорить, что перед нами единое многодворное поселение, даже если его дома отстоят друг от друга на 1—1,5 км — стр. 28), но в целом древность деревень линейного или кучевого плана компактной или разреженной застройки нужно признать доказанной. Однодворные же поселения появились значительно позднее и получили широкое распространение уже в XX в.

В статье Г. Троска «Деревни Северной Эстонии в XIX в.» рассматриваются тенденции развития этих поселений в условиях проникновения капитализма в сельское хозяйство. Автор выделяет деревни различной планировки — кучевые (компактные и разреженные), рядовые и «цепочкой», редкие уличные — и отмечает общую тенденцию, с одной стороны, к росту числа дворов в деревне, с другой — к менее компактному расположению дворов. Последнюю тенденцию он связывает с аграрной реформой. Вполне обоснованным представляется вывод, что особенности планировки селений — не этнический, а социальный признак, показатель степени развития капиталистических отношений (стр. 114).

И. Лейнааре в краткой статье «О поселениях крестьян и их собственности на землю в Латвии в период раннего феодализма» анализирует сведения «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского и некоторых средневековых актов, останавливаясь на терминах «вилла» и «виллула», которыми обозначались поселения крестьян-общинников в отличие от «каструм» — феодального замка с его замковым округом («кастеллатура»). Поселения в данном случае рассматриваются только в социальном плане, но не в аспекте географическом и собственно этнографическом. Это видно хотя бы из формулировки на стр. 121: «...основной формой поселения крестьян в Латвии была территориальная община с ее традициями коллективной собственности».

Более позднему периоду посвящена статья Д. Лиепиня «О типах поселений латышских крестьян в XVII в.». Сосредоточив внимание в основном на Северной Латвии (Видземе), автор показывает, что уже в XVII в. там бытовали как небольшие деревни, так и однодворки. Соотношение этих типов селений в различных районах Видземе неодинаково, но существовали районы, где одиночные дворы составляли до 90% всех сельских поселений (рис. 1). Главную тенденцию развития поселений автор видит в увеличении процента однодворок за счет распада деревень. Процесс этот шел в Видземе быстрее, чем в районах с ливским населением, но дело здесь, как подчеркивает автор, не в этническом составе населения, а в экономических и природных условиях (стр. 141).

Та же территория рассматривается в статье Л. Терентьевой «Крестьянские поселения Северной Латвии (Видземе) эпохи капитализма (1860—1917 гг.)». Л. Терентьева не видит в развитии видземских селений столь явных тенденций к преобладанию однодворных, как Д. Лиепиня. Подробно проанализировав обильный конкретный материал по микрорайонам, она устанавливает преемственность многих поселений и приходит к выводу, что «процесс развития поселений был вовсе не так прямолинейен, и в ходе его происходил не только распад деревень, но и образование новых многодворных поселений, дворы которых оказывались связанными общими формами землепользования» (стр. 200). Сложным представляется нам и вопрос о «ваках» — «пагастах», которые автор склонен, кажется, противопоставить деревням, как особый тип поселения (стр. 189, 192, 194). Если отправляться от воспринятого латгалами восточнославянского термина «погост», то следует прежде всего отметить, что термин этот не однозначен. Он обозначал и определенную административно-территориальную единицу, включавшую обычно несколько селений, и само поселение — центр этой территории¹. Это следовало как-то отразить и на приложенной автором интересной схеме (рис. 13).

Вторая статья Л. Терентьевой — «Крестьянские поселения Латгалии эпохи феодализма (XVIII — первая половина XIX в.)» возвращает читателя к периоду даже более раннему, чем указано в заголовке, поскольку автор касается и волочной реформы, оказавшей большое влияние на планировку поселений Восточной Латвии, длительное время не составлявшей единого административного целого с другими латвийскими землями (стр. 201, 216—217). На обильном, новом для науки материале показано развитие типов поселений, в этой провинции более разнообразных (поскольку более сложным был и этнический состав ее населения). Отмечая, в частности, влияние русских соседей, автор приходит к выводу, что в эпоху феодализма еще не возникли условия для хуторского расселения. Дробление крестьянских хозяйств вело в тогдашней обстановке лишь к увеличению числа дворов в деревнях (стр. 219). Нужно отметить, что эта статья — единственная в сборнике, в которой рассматривается не только планировка поселений, но и состав крестьянских дворов.

Ю. Юргинис статью «Внутреннее устройство литовской крестьянской деревни в XIV—XVII вв.» начинает с анализа Помезанской правды (1340 г.), судебника Казимира (1486 г.) и подробно освещает влияние на устройство деревень волочной реформы второй половины XVI в. Можно спорить с автором по поводу того, насколько правомерен его вывод о численности дворов в деревне (указанная на стр. 220 численность в 12 дворов представляется для XIV в. несколько завышенной), но ценность привлечения ранних письменных источников к изучению более поздних крестьянских поселений несомненна.

Статья И. Буткявичюса «Уличные деревни в Литве» во многом соприкасается со статьей Ю. Юргиниса. Автор выделяет типы уличных (полосовые, двойные, свободные) и линейных деревень, связывая их происхождение с землепользованием, регулируемым волочной реформой. В статье даны не только карты микрорайонов, но и картосхема распространения намеченных автором типов поселений на всей территории республики, что особенно важно, если учесть, что рецензируемый сборник является в значительной мере подготовительной работой к атласу региона.

Мы видели, что в книге собраны продуманные этюды к будущему интересному разделу атласа. Надо сказать, что не все региональные атласы в настоящее время включают такой раздел. В частности, разработка его пока не ведется для атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия», в северной своей части соприкасающегося с атласом Прибалтики. Может быть, следовало бы в дальнейшем заняться этой проблемой хотя бы для пограничных территорий.

Но вернемся к сборнику. Ознакомив читателя с его содержанием, хочется обратить внимание на некоторые недочеты этой полезной книги. Представляется, в частности, не вполне удачным заглавие: «Сельские поселения...». В задачу авторского коллектива, кажется, не входило дать полный очерк сельских поселений. Ни в одной статье не освещены сколько-нибудь подробно, например, мызы — селения дворян — они лишь иногда упоминаются. Не рассматриваются и поселения бобылей. В этом смысле заглавие шире содержания книги, в которой рассматриваются только крестьянские поселения. Насколько нам известно, именно таково было первоначально заглавие — «Крестьянские поселения...» — оно было бы более точным.

В трех последних статьях недостаточно подчеркнуто наличие деревень рядового плана. В некоторых случаях авторы не видят четкой грани между рядовой и уличной планировкой (можно встретить, например выражение: «поселение рядовой или даже

¹ М. Г. Рабинович, Поселения. Очерки русской культуры XIII—XV вв., М., 1970, стр. 234—235.

уличной планировки» — стр. 179) или прямо относят к уличным деревни прибрежно-рядовой планировки (стр. 237). Между тем, уличную планировку всегда отличает положение усадеб по обеим сторонам улицы-дороги «лицом» (большей частью — фасадами домов) друг к другу. Если же дворы стоят друг к другу «в затылок» и дома обращены фасадами в одну сторону, то это — рядовая планировка, даже если бы они и располагались через дорогу. С этой точки зрения планировка, о которой говорится на стр. 244, по-видимому, рядовая, а не уличная, как утверждает автор.

Имеются повторы, которые легко было бы устранить. Так, в статьях Ю. Юргиниса и П. Буткявичюса (стр. 226—228, 231—232) повторяется характеристика планировки деревень в связи с волочной реформой, ее можно было дать лишь в одной из статей.

Не всегда выдержана единая транскрипция названий, например: Кайвены — Кайвени, Сильяни — Сильяни (стр. 154—155, и рис. 4). Картосхемы республик и отдельных областей сделаны «немыми». Между тем, указание названий хотя бы крупных городов, пуансоны которых сейчас легко спутать с условными обозначениями иного порядка (например, на стр. 193, 236, 244), намного облегчило бы пользование картосхемами для тех, кто не занимается специально Прибалтикой.

Все эти мелкие замечания мы делаем в надежде на то, что они пригодятся в дальнейшем издании материалов и исследований о поселениях Прибалтики. Этот интересный и полезный труд, значение которого выходит за пределы Прибалтийского региона, несомненно, должен быть продолжен.

М. Г. Рабинович

Декоративное искусство Дагестана (Автор-составитель Д. Чирков). М., 1971, 277 стр., 165 илл.

За последние годы оживился интерес к быту и культуре народов Дагестана. Этому способствуют произведения дагестанских писателей и поэтов, издаваемые на русском языке, труды историков, этнографов, археологов и искусствоведов. Однако до сих пор отсутствовали популярные издания, посвященные местному декоративному искусству. И вот первая такая книга издана. Это альбом, составленный Д. А. Чирковым. Введение принадлежит перу народного поэта Дагестана Расула Гамзатова.

Текст дан на трех языках: русском, французском и английском.

В альбоме четыре раздела. Первый — посвящен керамике Дагестана: здесь воспроизведены древние сосуды, поливная расписная посуда XVIII—XX вв. из села Испик, керамические сосуды с ангобной росписью и резным узором из села Сулевкент. Представлено много оригинальных расписных кувшинов, тарелок, а также мелкая пластика (глиняные игрушки) из села Балхар. Автор показывает своеобразие форм и декоративные особенности керамики каждого центра гончарного производства Дагестана.

Во втором разделе, самом большом по объему, рассматривается художественный металл. В иллюстрациях этого раздела воспроизводятся древние и средневековые изделия, вещи кубачинских и гоцатлинских мастеров, изготовленные в XVIII—XX вв. и в наши дни. Много различных женских серебряных украшений работы аварских, кубачинских и лакских мастеров: ажурные серьги, подвески, массивные женские поясные пряжки XIX в., покрытые зернью, чернью и сканью; здесь показано и богато отделанное оружие XIX в.

В этом же разделе даны работы народных мастеров декоративно-прикладного искусства Дагестана, много раз экспонировавшиеся на всесоюзных и всемирных выставках: Г. Кишева (перечница в форме кубачинского водоносного кувшина «муч'ал» и флакон для духов), Р. Алиханова (туалетная тарелка, сервиз для вина, декоративная ваза «Юбилейная»), Г. Магомедова (декоративный кувшин, вазы, флакон для духов, браслет с эмалью), А. Абдурахманова (пудреница, декоративная ваза в виде кувшина «муч'ал»), М. Джамаудинова (декоративный кувшин), М. Магомедовой (серебряный, с цветной перегородчатой эмалью, переплет книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан») и др.

В следующем разделе альбома представлены резной камень и дерево. Здесь приведены фотографии ступок для чеснока, каменной подставки для прялки, мерок для муки, а также инкрустированных мельхиором изделий из дерева, изготовленных унцукльскими мастерами — курительных трубок, ступок, солонок, тарелок. Интересны декоративные панно с изображениями животных.

Последний раздел посвящен ковроделию, вязанию, ткачеству. В нем воспроизведены образцы узорного ткачества, вышивки XVIII—XIX вв., ковровые изделия аварцев, даргинцев, лезгин и других народов Дагестана и т. д. Д. А. Чирков показывает специфику и художественные особенности ковроткачества, вязания и вышивки, характерные для каждой народности, прослеживая при этом то общее, что присуще искусству всех народов Дагестана (стр. 203).

Всего в альбоме помещено 165 иллюстраций различных предметов декоративного искусства Дагестана из собраний крупнейших музеев СССР — Государственного Эрмитажа (Ленинград), Государственного исторического музея (Москва), Музея народ-